

Пространство языка и языка пространства

именительного падежа единственного числа прилагательного «толстый» (*толстОй*); форма именительного падежа множественного числа лично-указательного местоимения третьего лица *онЕ*, закрепившаяся под влиянием [*те*]; в системе глагольных форм — наличие конечного безударного [*и*] в суффиксах инфитива *-ти* и *-сти* (после согласного [*с*]) (*грЫсти, сЯсти*); глагольные формы второго лица множественного числа с ударением на конечном гласном окончании (*несетЕ, веде-тЕ*); формы прошедшего времени от глаголов «лечь», «сесть» *ляк, сял*; употребление конструкций типа *пойЭхаў по отцА, пошла по пилУ*, имеющих целевое значение; наличие согласуемых постпозитивных частиц *-от, -то, -та, -ту, -те* (*стОуб-от, болОто-то, йУпка-та, лЕнту-ту, брОви-те*).

Носителями данного говора в Тюмени были крестьяне-ремесленники, ямщики, большая часть мещанства и купечества. Следует отметить, что речь купцов первых поколений мало чем отличалась от речи горожан других сословий, большинство из них были выходцами «из мещан, крестьян, ямщиков» [Миненко 2004: 332]. Из среды крестьянства позднее «пополнялись также ряды городской буржуазии» [Там же: 371]. Речь коренных жителей города всех сословий характеризовалась четким различием /*о*/ и /*а*/ после твердых согласных как в ударном, так и в безударных слогах (*вос, возЫ, на вос; траВы, траВА, травенИстой*). По наблюдениям Г. Я. Маляревского, в говоре крестьян-старожилов Тобольской губернии «обращает на себя внимание прежде всего произношение звука *о*, который здесь в слогах без ударения никогда не переходит в *а*, и все слова с этим звуком выговариваются так, как пишутся» [Маляревский 1917: 2].

2. Указанные диалектные черты в речи старожильского населения Тюмени под воздействием внелингвистических факто-

Татьяна Иосифовна БОРКО

СИБИРЬ–СЕВЕР–
ТЮМЕНЬ:

территория художников

В номере воспроизводятся живописные и графические произведения художников, для которых проблема культурной, территориальной идентичности не случайна. Работы являются своего рода высказыванием по поводу городского топоса, регионального пространства, даже если авторы осознанно не ставили перед собой такой цели. Некоторые давно живут в Тюмени (А. Ердяков, О. Федоров), другие приехали уже сложившимися мастерами (С. Мокроусов). Особого разговора заслуживают авторы, прибывшие в Тюмень или Тобольск с Севера (Ю. Бычков, А. Мухаметова, А. Лар).

Разумеется, вольно или невольно художник ощущает свою причастность к тому региону, городу, месту, в котором работает. Разумеется, в его творчестве вольно или невольно эта причастность находит отражение: через какие-то детали, нюансы или буквально в теме. Люди постарше помнят еще те времена, когда работа творческих организаций, будь то Союз художников или писателей, базировалась на соцзаказах. Авторы не сидели без дела. Задавалась тема, определялись сроки. Окончательная цель тоже была ясна, потому что произведения выполнялись, как правило, для определенного заказчика (предприятие, город). Не все мастера с радостью брались за выполнение заказа, считая подобную работу конъюнктурой, творческой несвободой. Но для многих северные мотивы очень органично вплелись в собственную авторскую систему сюжетов, излюбленных образов, личных идей. Заказные работы отличались масштабностью, весомостью, значением. В ту пору мало кто писал классические пейзажи, в ходу была производственная тема. И если пейзаж в принципе является очень удобным средством для осознания себя частью родной земли (вспомним русских художников из Товарищества передвижных выставок, определивших традиции национального пейзажа), то следы антропогенной деятельности (вид буровой или чумов на стойбище) всегда конкретизируют региональные, географические и

культурные координаты изображенной местности.

На всероссийских выставках 70-х — начала 80-х гг. сразу было видно, из какого края страны прибыла работа, откуда художник. Понятно, что Тюмень ассоциировалась с нефтью, богатыми ресурсами Севера. В этом смысле проблем с идентификацией ни у кого не возникало. Художник точно осознавал свою принадлежность к социальному сообществу, в чьи задачи входило освоение новых территорий не в плане обживания, но в плане получения природных богатств, какими эта земля наделена. Впрочем, нельзя утверждать, что не было задачи культурного взаимодействия, многие авторы отправлялись на Север с выставками, мастер-классами, творческими встречами. И, конечно, с целью собрать материал для создания грандиозных тематических полотен. Произведения, действительно, отличались масштабностью: как правило, большой формат, многофигурная композиция, обширная пейзажная панорама, на фоне которой разворачивается действие, — таковыми чертами, пожалуй, обладают все произведения большой темы покорения Севера. Почти все они находятся сегодня в запасниках музея искусств, их можно увидеть в альбоме «Художники Тюмени», посвященном 50-летию Тюменской организации Союза художников России (1994). Можно вспомнить грандиозное полотно Остапа Шруба «Геологи». Главные герои написаны почти в натуральную величину, фигуры максимально приближены к зрителю, а за их спинами разворачивается суровый пейзаж, воссозданный художником в намеренно грубых, словно рубленых стилизованных формах. То же можно сказать о цвете: очень сдержанная, даже скупая, гамма усугубляет ощущение суровости. Намерения автора очевидны — показать героике тяжелых будней, приподнятый романтизм неустроенной жизни крепких и бодрых строителей новой эпохи, новой жизни. Подобные произведения однозначны и буквальны по смыслу, но они точно воспроизводят дух эпохи, официально поддерживаемый, в том числе и эстетическими средствами, настрой общества.

Конечно, подобные работы воспринимаются как пропаганда. Однако стоит задуматься, по сути, любые опыты самоидентификации общества неизбежно связаны с пропаган-

ров подвергались нивелировке — город постепенно стал выпадать «из общей системы территориального диалекта», оттесняться «в сферу сельской жизни» [Баранникова 1969: 324].

2.1. С переходом к капитализму центр хозяйственной жизни переместился из Тобольска в Тюмень [Очерки истории... 1994: 252]. В городе возникали предприятия мануфактурного типа, в промышленности зарождалось фабричное и заводское производство. В связи с этим изменения в составе городского населения шли за счет увеличения числа рабочих (работников), они заселяли «окраины Тюмени», «где находились промышленные предприятия» [Очерки истории... 1994: 124; Копылов и др. 1986: 32]. Рабочими заводов и фабрик становились в основном коренные жители города из мещан и крестьян. Так, например, в 1849 г. на 16 гончарных заводах (13 мещанских и 3 крестьянских) было занято 20 наемных работников-мещан [Миненко 2004: 299]. На 34 кожевенных заводах (5 предприятий принадлежали купцам 2-й гильдии, 14 — купцам 3-й гильдии, 15 — мещанам) трудилось по найму 47 мастеров (31 из мещан и 16 из крестьян) и 133 работника (45 из мещан, 85 из крестьян, 3 из поселенцев) [Там же: 293].

Появление в Тюмени новых отраслей промышленности приводило к притоку («наплыву») рабочей силы — крестьян из окрестных деревень и ближайших волостей (Ярковской, Плехановской и др.), где «в конце XVI века... было много выходцев из Европейского Севера России» [Заварихин 1987: 11]. «Крестьяне-отходники», будучи вначале «сезонными рабочими» кустарных заведений, пристаней, лесоразработок, постепенно становились рабочими «мелких предприятий мануфактурного типа» [Очерки истории... 1994: 114], часть из них вливалась в число жителей «окраин Тюмени».

Пространство языка и языка пространства

Рабочим города (из мещан и крестьян) приходилось «встречаться» с «сезонными рабочими» «на кожевенных и мыловаренных заводах» [Копылов и др. 1986: 56], работать вместе с крестьянами деревни Букиной, где имелось крупное промышленное заведение — «вальцовая пятиэтажная мукомольная мельница А. И. Текутьева» [Миненко 2004: 304]. Под влиянием «сезонных рабочих» из пригородных деревень, «поденщиков», работавших на Тычковке («Тычковском предместье»), речь старожилов Тюмени подверглась некоторым изменениям в сторону усиления элементов диалектного происхождения. Колебаний и вариантов в фонетико-грамматической системе говора жителей города стало больше. В связи «с проницаемостью диалектной системы» [Баранникова 1969: 333] возникали фонетические дубликаты: *слЫшат* — *слЫш'ат*, *обводИть* — *овводИть*, *обмАн* — *оммАн*, появлялись варианты диалектные образования форм, утратившихся раньше: *кресйАне* — *кресйАна*, *с йИми* — *с йимЯ*, *печь* — *пекчИ*. Это один из случаев, когда воздействие экстралингвистических факторов задерживало, замедляло утрату диалектных черт в «городской» речи старожилов «окраин Тюмени», особенно Заречья, где «располагались кожевенные заводы и гончарни» [Беспалова 1987: 53].

2.2. В связи с развитием промышленности в городе увеличивались и объемы ремесленного производства. Среди «мелких промышленников» «окраин Тюмени» преобладали мещане и крестьяне. Так, в 1849 г. в городе насчитывалось 185 чарошников и броденщиков (142 мещанина и 43 крестьянина), 53 рукавишника (39 мещан, 13 крестьян и 1 поселенец) и др. [Миненко 2004: 310]. В 1862 г. Тюмень стала «самым крупным ремесленным центром» (1977 человек) [Очерки истории... 1994: 71]. Но не мень-

дой. Это объяснимо, так как необходимо осознать и проговорить, или как-то иначе объективировать нормы и ценности сообщества, чтобы возвести его в ранг институции, особенно если речь идет о государственных институциях. Так вот, в советские времена сибиряк — это не коренной дремучий житель таинственных лесов, черных топей, а тот, кто заворожен идеей покорить эти места, обнаружить тайники и клады, открыть их для общего пользования.

Точное попадание в настроение конца 70-х гг. — работы Владимира Янке «Разбуженная тайга» и «Весна на буровой», экспонированные на первой зональной выставке «Урал социалистический» (Тюмень, 1979), а позже напечатанные во всех художественных журналах страны. Они оказались столь популярны потому, что в них нет назойливого патриотического пафоса, но вместе с тем есть воодушевление и романтика. Художник не показывает человека в действии, за работой, но изображает атрибуты (техника, вышка, трубы), которые указывают на род занятий героев. Почти весь холст занимает изображение заснеженного леса с голубым, морозным, почти звенящим воздухом («Разбуженная тайга», 1977). И лишь в правом нижнем углу несколько человек за серьезным разговором, должно быть, обсуждают какие-то рабочие моменты. Люди выглядят слишком незначительными на фоне этого пейзажа, но они, безусловно, подчинили природу, проложив сквозь этот непроходимый неприступный лес трубопровод. В другой работе «Весна на буровой» (1977) мы видим девушку, шагающую в резиновых сапогах по непролазной бурой грязи. Прекрасное настроение героини не объясняется только лишь хорошей погодой, ярким солнцем, первым цветением растений на только что освободившейся от снега проталине. Ее воодушевление обусловлено положением хозяйки, покорительницы этого озера, холма, дерева, чему подтверждением служит арматура вышки на заднем плане.

По сути, человек в такой интерпретации берет на себя функции бога, не только в плане перевоссоздания земли, ландшафта, который он меняет, преобразует, подгоняет под свои нужды, но в плане господства над землей. Архетипическая ситуация, ведь все боги, по одной из религиозных версий, происходят первоначально

но от владык местности. Любое природное божество в основе своей имеет прообразом господина того или иного участка земли (озера, реки, пригорка, поляны). Осознанно или неосознанно отождествление себя с господином, владыкой северных земель утверждалось и на уровне искусства. Идея, которая должна была найти сочувствие и сопереживание не только официальных должностных лиц, но и каждого простого гражданина, поскольку возвеличивает его в собственных глазах, поскольку затрагивает архетипические идеи, образ собственной божественности или хотя бы причастности к героической истории. Словом, в советские времена особых проблем с идентификацией себя как сибиряка или северянина не возникало.

Другое дело — день современный. За 10 лет нового столетия любая выставка, в том числе и последняя региональная (сентябрь-октябрь 2013 г.), продемонстрировала преобладание пейзажного жанра. Казалось бы, вот и раскрывается простор для поисков идентичности через ощущение себя в этом сибирском пространстве с его географией, отчетливо выраженными климатическими особенностями. Но происходит нечто невероятное: какая-то неменяемая монотонность однообразных непримечательных видов, написанных в одном стилистическом ключе. Такой пейзаж мог бы создать художник и средней полосы России, и Восточной Сибири, и Дальнего Востока. Региональная принадлежность автора никак не обозначается: ни через особенности ландшафта, ни через архитектурные образы. Нет ощущения связи с местом, как нет и ощущения космичности и соотношения себя со всей культурой. Не знаю, как назвать данное явление индифферентности, наверное, характерной не только для регионов Урала и Сибири.

«Гений места» не проявляется даже в архитектурном пейзаже, указывающем на конкретные уголки обжитого пространства. Конечно же, многие пишут город. Необъяснимым образом более всего сибирскими по духу являются не те работы, в которых изображены известные места, городские достопримечательности или какие-то уголки природы, а те, что наполнены субъективными впечатлениями автора, воображением; те, что не имеют буквального сходства

шую роль, чем ремесло, в экономике Тюмени играла «лавочная торговля»: в середине 1850-х гг. в городе имелось «288 лавок», в конце XIX в. «насчитывалось 450 крупных и мелких торговых заведений» [Миненко 2004: 328-329]. На «еженедельном торгу по субботам» жители Городища и других предместий свою «ремесленную продукцию» продавали горожанам и сбывали «окружным жителям» [Беспалова 1987: 72]. На ежегодную Тюменскую ярмарку съезжалось много купцов из разных мест Европейской России — Великого Устюга, Костромы, Ростова, Калуги, Тулы, Рязани, Павловска, Москвы и других городов [Миненко 2004: 330]. Речь приезжих торговцев (продавцов и покупателей) отражала особенности севернорусского и южнорусского наречий и среднерусских говоров (речь купцов и их приказчиков из Москвы, Шуи, Клина, Юрьевска [Там же]). Известно, что «в говоре Москвы аканье утвердилось с XVI в.» [Касаткин 1999: 101]. Сами тюменские купцы участвовали в Ирбитской ярмарке, «бывали... по торговым делам и на Нижегородской ярмарке, и в Москве, и в столице» [Миненко 2004: 332]. Некоторые из них, а также мещане и крестьяне перевозили товары (кожи, овчины и пр.) «в Томск и Восточную Сибирь» [Беспалова 1987: 72].

Развитие ремесла и торговли, усиление межтерриториальных связей не могло не привести к утрате, сглаживанию в речи горожан особенно «заметных» черт севернорусского происхождения. Акающая речь «иногородних торговцев» из южных и центральных городов Европейской России ускорила утрату оканья «в широком значении». В положении после мягких согласных в первом предударном слоге закреплялся общий вариант неразличения гласных фонем неверхнего подъема [e] (*nameгАйут,*

Пространство языка и языка пространства

деветИ, ревУт, ревИ, река, в рекЕ). Таким образом, в речи купцов, мещан и крестьян *оканье* в середине — конце XIX в. совмещалось с *еканьем*. Тенденция к неразличению безударных гласных в данной позиции и совпадение их в варианте [e] проявлялась во многих говорах Тюменского (и Тобольского) уезда [Шахматов 1896: 973; 1899: 4; Лопарев 1896: 222]. В речи старожильского населения стало утрачиваться произношение «среднего» / и [y] на месте фонемы /л/ на конце слова и перед согласными (упАў > упАл, пОўнова > пОлнова). Исчезновение данных диалектных черт задерживалось в речи неграмотных жителей «окраин Тюмени».

2.3. На культурной и общественной жизни города сказалось влияние политических ссыльных, ратовавших «за развитие в Сибири образования и культуры» [Очерки истории... 1994: 115]. Число ссыльных на протяжении XIX в. «все возрастало». В 1804 г. в составе жителей Тюмени имелось 82 «посельщика» из ссыльных [Миненко 2004: 202]. Их дома располагались во всех частях города. Например, в 1809 г. «ссыльные поселенцы» проживали в 17 домах Затюменья, 11 домах — Заречья, 16 домах — Малого Городища, 9 домах — Большого Городища; в «самом городе Тюмени» они были «владельцами 14 домов» [Там же: 205]. Достаточно многочисленной была группа ссыльнопоселенцев в 1819 г. (143 души мужского пола и 126 — женского) и в 1845 г. (292 человека мужского пола и 50 — женского) [Там же: 213, 248]. «Правительство, — пишет Н. А. Миненко, — и в дальнейшем продолжало наводнять Сибирь, в том числе Тюмень, политическими ссыльными» [Там же: 428]. В городе они занимались общественной и просветительской деятельностью. Некоторым «ссыльным поселенцам» из-за материальных трудностей приходилось наниматься «под-

с изображаемым прототипом, но и не являются совсем отвлеченными. Так, Сергей Мокроусов занят поиском словно бы каких-то наиболее общих, типичных черт, некой изначальной матрицы, являющейся прообразом города, причем именно Тюмени. Серию листов автор назвал «АрхиТип» (именно в таком написании, поскольку подразумевал свою деятельность как архивирование типичного, документирование впечатлений, при этом основываясь на личностном восприятии этого типичного). В смутных, едва различимых очертаниях, постепенно проявляющихся на листе бумаги (как при печати фотографий с пленки), все же узнаются конкретные сооружения и места. При желании их можно идентифицировать: здание Строительного института, уголок Первомайской с контрастом высоких зданий и маленьких одноэтажных домиков кирпичной застройки, напоминающих о Тюмени двух прошлых веков. Серия выполнена в два цвета: черный, переходящий в различные оттенки серого, и красно-бурый, принимающий оттенки ржавчины. В результате город выглядит пустым, угрюмым и зловещим. Фрагментарность изображения в сочетании с жестким штрихом и расплывчатыми тональными пятнами усугубляет это ощущение. Более мягкие штриховка и фактура отличают серию С. Мокроусова «Провинция». Автором использован тот же прием, когда изображение словно появляется из пелены, за счет чего создается ощущение наполненного снежной изморозью воздуха, отчужденности неприятных одиноких селений. Но при всей видимой суровости серия «Провинция» гораздо теплее, в эти домики за покосившимися заборами хочется зайти, спрятаться от непогоды, согреться теплым чаем. В этих листах С. Мокроусова, безусловно, чувствуется дух места, и это однозначно Сибирь. Вполне правомерно возникает в творчестве художника типизированный образ урало-сибирской местности, поскольку он родился в Кургане, учился в Нижнем Тагиле, работал в Катайске, а теперь, с 2006 г., живет в Тюмени.

В произведениях Олега Федорова город тоже узнаваем. Понтонный мост над темной водой. Одинокая тень под белесыми фонарями. Вороны в сумеречном небе соперничают с сияющими звездами за внимание поднимающих глаза случайных наблюдателей. Это место притягатель-

ное и страшное одновременно. Здесь испытываешь отчаянное безмолвие одиночества и в то же время свою причастность к огням на том берегу, к деревьям и домикам, отражающимся в реке, к этому городу и ко всему Космосу. Просто потому, что ты стоишь под этой луной, улыбающейся холодной, бесстрастной улыбкой и тебе, и всем, кто здесь есть. О. Федоров создает некую двойственную ситуацию: город одновременно близок и чужд. Постройки конкретны и знакомы зрителю: эту улицу можно найти, этот забор ты проходил однажды. При этом в знакомых проулках, по замыслу художника, возникает нереальная, невероятная ситуация. Под знойными лучами огромного разгоряченного солнца по натянутому меж двух зданий канату, с трудом удерживая равновесие, продвигается человек. Кругом — пустые дома, пустые улицы, город насторожен и безучастен. Наверно, так ощущает себя житель любого мегаполиса. Но на полотне — Тюмень. То есть это не метафора вообще, но переведенное в образ отношение автора к своему родному городу. Совершенно очевидно, что здесь нет отчаяния, нет упрека, нет даже раздражения. Просто таково положение вещей, и каждый пытается приютиться в городе в силу своего миропонимания и возможностей. Кто-то принимает свое одиночество и намерен сам устоять против всех невзгод, кто-то ищет близости и тепла у таких же покинутых, заблудившихся в суете, не знающих, кто они, сограждан. В работе «Снег. Холодный октябрь» двое, прижавшихся друг к другу на холодной земле, как будто выдворены за пределы города. Красная кирпичная городская стена выглядит как неприступное крепостное заграждение, вражеский замок. Каждый живущий в Сибири видел такие полузаброшенные кирпичные промышленные сооружения с трубой, чье предназначение непонятно, чья закрытость пугает. Каждый чувствовал промозглый холод ранней зимы, промерзшую землю, еще не покрытую снегом, ощущал, хотя бы на миг, свое сиротство посреди этой грязи и глухих стен и мечтал поскорее очутиться на теплой кухне под ярким светом лампы. Город в произведениях О. Федорова, даже если он неуютный и отстраненный, — это место, с которым человек тесно связан и уже не мыслит существования вне его.

собными работниками» на заводы к купцам и состоятельным мещанам [Миненко 2004: 293, 301; Очерки истории... 1994: 116]. В Городище и других «окраинах Тюмени» наряду с «мелким мещанством» и крестьянами они занимались ремесленным производством — «шитьем кожевенного товара» [Миненко 2004: 310].

Образованные люди из числа политических ссыльных в повседневном и производственном общении со старожилами Тюмени оказывали влияние на их полноокающую диалектную речь. В условиях тесного контакта с ссыльнопоселенцами во всех частях города в речи мещан и крестьян-ремесленников, рабочих (из мещан и крестьян) на месте чередований 'a//e и 'e//и под ударением между мягкими согласными во многих словах распространялись чередования 'a//ä и e//ê (зять вместо зеть, вЕрить вместо вИрить), исчезало отражение результатов перехода 'e > 'o в безударных окончаниях глаголов I спряжения (вОйэт вместо вОйот, стОнет вместо стОнёт), устранялась взаимная мена шипящих и свистящих и шепелявость /с'/ и /з'/, произношение слов стАр'и'ий (> стАрший), зАфтра (> зАфтра), тоўстОй (> тОлстый). Эти особенности окающего старожильского говора устойчиво сохранялись лишь в речи неграмотной и малограмотной части старожилов предместий Тюмени.

2.4. Развивающаяся промышленность и торговля, железные дороги (в декабре 1885 г. было завершено строительство железной дороги Екатеринбург–Тюмень) и «паровой флот» предьявляли спрос на технически образованные кадры, усиливалась «тяга к гуманитарному образованию» [Копылов и др. 1986: 66], росла потребность в «светских работниках». Еще в 1817 г. на основе Малого народного училища было открыто Тюменское уездное училище. В нем

Пространство языка и языка пространства

и двух приходских (Знаменском и Вознесенском) в 1853 г. контингент учащихся составлял 450 учеников. Здесь обучались дети всех сословий («разных чинов», «всех состояний»). В 1859 г. в городе появилась женская школа, реорганизованная в 1871 г. «в 4-классную прогимназию с приготовительными классами» [Миненко 2004: 340]. В 1879 г. открылось первое среднее учебное заведение — Александровское реальное училище. Его программа «включала Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, тригонометрию, физику, географию, естественную и гражданскую историю, законоведение, рисование» [Там же: 341]. Часть старожильского населения Тюмени обучалась грамоте в «частных учебных заведениях или на дому» [Миненко 2004: 345; Копылов и др. 1986: 63].

С распространением грамотности возрастала потребность в чтении книг. В 1864 г. появилась «первая общественная библиотека», ее читателями могли быть «все лица обоего пола», независимо от сословно-социальной принадлежности (от «них требовалось лишь внести 5-рублевый залог»). Большая библиотека имелась при Клубе приказчиков, открытом по инициативе купца-мецената Н. М. Чукмалдина в 1869 г. Ее активно посещали «коммерческие служащие, мещане, мелкие чиновники, ремесленники-крестьяне, ссыльные». Общедоступная бесплатная библиотека-читальня открылась «только в 1895 г.» [Миненко 2004: 347], «главными читателями» ее «стали мещане и крестьяне». В 1899 г. в честь столетия со дня рождения А. С. Пушкина «открылась публичная (бесплатная) Пушкинская библиотека» [Там же: 348] на средства, пожертвованные купцом 1-й гильдии А. И. Текутьевым [Кистин 2013: 194]. Свои библиотеки имелись при всех учебных заведениях. «Тюменцы середины

Действительно, чтобы выразить любовь к месту, в котором ты живешь, не надо писать плакаты «Тюмень — лучший город земли». Не обязательно восторгаться стремительным ростом населения и строительства, появлением новых микрорайонов и магазинов, унифицирующих город, превращающих его в один из множества таких же безликих, однообразных, наполненных бешеной суетой «машин для жилья». Подлинный тюмонец всегда будет ратовать за сохранение старых уютных улочек, ностальгировать по уходящей деревянной резьбе, неасфальтированным переулкам, старым воротам. Такую Тюмень находим в графике Андрея Ердякова. В натурных зарисовках возникает старый сибирский город, высотой в два этажа. Дома попроще — из сруба, посolidнее — из кирпича. Хотя рисунки черно-белые, кажется, видишь насыщенную зелень деревьев, затеняющих улочки, видишь узоры солнечных пятен в тени ветвей на стенах, отчего постройки выглядят живыми, словно они дышат, переговариваются между собой. На наших глазах уютные кварталы старого города растворяются среди высоток, исчезают, превращаются в историю, тем самым становясь в один ряд с другими памятниками всемирного наследия. Художник выстраивает коллажи, нагромождавая образы архитектуры прошлых великих эпох и близкой нам реальности. Так, рядом оказываются Колизей, Парфенон, собор Парижской Богоматери, минареты Стамбула и тюменские исторические сооружения: купола Троицкого собора, Спасская церковь, здание Архитектурно-строительной академии. В таком сопоставлении отчетливее понимаешь значимость и притягательную силу родного города.

В отличие от 70-х гг., когда житель Тюмени ощущал свою принадлежность к краю в связи с производством, нефтедобычей, геологической разведкой, в 90-е гг. акцентируется иной момент, более камерный, даже лирический. Являясь для Москвы провинцией, мы сами себя ощущаем жителями центра, не областного, далекого сибирского городка, но именно центра, потому что мы тут живем. Он не обязательно должен быть пафосным мегаполисом, сосредоточением мировой экономики и развлечений. Просто здесь проходит наша жизнь, происходит множество важных событий. И в этом

смысле уже Москва становится каким-то далеким суетным краем, куда поедешь не по собственному желанию, а только по необходимости. Ощущение центричности в последнее десятилетие века, похоже, свойственно вообще провинции. Как у каждого центра, у нас есть своя периферия: в 90-е гг. Тюмень действительно была для художников Севера центром, из которого поступали новые веяния, доставлялись всяческие творческие новшества и открытия. С 2003 г. в ХМАО существует самостоятельное, независимое от Тюмени отделение Союза художников. Вместе с тем художники Югры чувствуют близость Тюмени, постоянно участвуют на областных выставках, организуют совместные пленэры. Конечно, две географические зоны связаны как территориально, экономически, так и общими ментальными установками. Любопытно, существует очень четкая тенденция: авторы, перебравшиеся в Тюмень и уже ставшие ее горожанами, не оставляют темы Севера. При этом очевидно, что тюменский зритель принимает данную тему, это свидетельствует о еще одном аспекте идентификации. Жители города непременно ощущают связь с Севером. Тема Севера подразумевает не разработки месторождений, как в прошлом, даже не конкретные приметы северной природы, а некие знаки иной культуры. Искусство, фольклор, обычаи коренных народов — таковы теперь акценты в поисках сибирской идентичности. Мы пытаемся осознать себя через образы ментальности других народов, живущих на этой же земле.

Юрий Бычков, приехавший в Тюмень из Мегиона в 2010 г., не обращается к реалистическому воспроизведению увиденного, прибегает к ассоциациям. Графические линии, тени и пятна света складываются в силуэты бегущих по белой равнине оленей, в очертания лодки с рыбаком на водной глади, странных фигур, таинственных существ. Художник при изображении Севера основывается на образах собственного восприятия, более того, воображения и даже подсознания. Это подчеркнуто в названиях серий: «Птицы моего сознания», «Идолы моего сознания». Черные тени с распластанными крыльями, хищными клювами возникают из пелены тумана, из земли и небесных облаков, они пугают и вводят в оцепенение, но вместе с тем неизбежно притягивают

XIX в.» выписывали «по почте» такие периодические издания, как журналы «Странник», «Сын отечества», «Современник», газеты «Народное богатство», «Московские ведомости», «Северная почта» [Волкоморова 2011: 62]. Читателями подобной литературы, по-видимому, были не только представители торгово-промышленного капитала (заводчики, фабриканты, купцы 1-й гильдии), имевшие «крупные домашние книжные собрания» [Миненко 2004: 347], но и некоторые мещане, проживающие в центральной части города. «Небольшие собрания книг, — замечает Н. А. Миненко, — были также в мещанских домах» [Там же].

Возраставшая роль «печатного слова» в жизни грамотных горожан из старожильческого населения способствовала устойчивости в их речи полного оканья. Ориентация мещан, крестьян-ремесленников и купцов первых поколений на «печатное слово» сказалась также на усвоении ими форм типа *кРАСный* вместо *кРАСной*, *дОбрый* вместо *дОброй*, произношении *растУт*, *разБИл*, *рабОта* вместо *ростУт*, *розБИў*, *робОта*.

3. Грамотная речь выпускников Александровского реального училища (многие из них «оставались работать в Тюмени» [Там же: 344]) и женской прогимназии (за 1871-1889 гг. ее «окончило 4689 человек» [Там же: 340]), местной интеллигенции и политических ссыльных оказывала влияние на речь другой части городского населения — мещан и крестьян, занимавшихся ремесленным производством, рабочих заводов и фабрик (из мещан и крестьян). Постепенно ими усваивались формы *к лОшад*, *на лОшад* вместо *к лошаде*, *на лошаде*, *брАтья* вместо *братовйА*, *онИ* вместо *онЕ*, *сел*, *лѣк* вместо *сял*, *ляк*, утрачивались диалектные формы инфинитива типа *грЫсти*, *сЯсти*. Влияние же литературного языка на их речь непосредственно через школу было

Пространство языка и языка пространства

незначительным. В одногодичных приходских училищах (с 1828 г. они стали двухгодичными) обучали лишь «чтению и письму, первым действиям арифметики, основам Закона Божия» [Миненко 1995: 133]. В воскресной школе Трехсвятительской церкви преподавали «Закон Божий, церковное чтение, пение и письмо, начальные арифметические сведения» [Кистин 2013: 193]. Уездное училище, переименованное в 1890 г. в городское, было 3-классным, контингент учащихся был небольшой [Миненко 2004: 340]. Во всех 24 действовавших учебных заведениях, «включая женскую прогимназию и Александровское реальное училище», в 1899 г. числились «1662 учащихся» [Там же: 345]. Это на 29544 человека постоянного населения города в данное время [Очерки истории... 1994: 104]. Как отмечает Д. И. Копылов, «по переписи 1897 г., каждый второй житель Тюмени был неграмотным» [Копылов и др. 1986: 67-68].

Литературный язык в городе в данный период, по-видимому, не использовался «для целей обиходно-бытового повседневного общения», еще не выработалась устно-разговорная разновидность литературного языка, имеющая свои специфические структурные элементы [Баранникова 1969: 329]. Обиходно-бытовая речь городского населения по мере повышения образовательного уровня оставалась разговорно-просторечной. Поэтому в повседневном общении малограмотных старожилов «окраин Тюмени» с образованными людьми нейтрализация «заметных» диалектных черт в их речи происходила на основе взаимодействия диалектной системы и городского просторечия. Ориентируясь на разговорно-просторечную речь грамотной части населения, они нередко новые черты усваивали не в литературной форме, а просторечной: *арихмЕтика, карахтерИстика, динЮр* (ги-

взгляд, привораживают. Словно пришельцы из инобытия, они пробуждают тающий страх, вызывают трепет. Иногда Ю. Бычков отказывается от какого бы то ни было сходства с натурой, оставляя в изображении лишь знаки — геометризованные, схематичные орнаментальные фигуры. Это символы, в культуре коренных народов имеющие определенное значение (олень, всадник, медведь). Север в творчестве Ю. Быčkova — не место на карте, не географическая область, но некий потаенный мир, населенный причудливыми персонажами мифологии, наполненный таинственными образами легенд. Далекый край, который не каждому открывается. Даже если путешественник доберется до его горизонтов, не всякий увидит подлинную сущность этого места. Здесь, во мгле, смешанной с вечным сиянием, порождаются первозданные образы всего существующего. Здесь — точка, с которой начинается Космогония.

Из Мегиона же в 2006 г. приехала в Тюмень Альфея Мухаметова. Она также не стремится к реалистической трактовке образов. Однако в ее работах значительно больше реальных деталей, конкретных ситуаций. В серии «Легенды Севера» сочетаются точные портретные характеры и вымышленные персонажи, картины из повседневной жизни стойбища и тайные ритуалы. Бытовые сцены разворачиваются на фоне громадного, почти космического пространства, светила спускаются к Земле, а олени бегут по кромке неба. Участники «Медвежьего праздника» приобретают несоразмерный с окружающими природными объектами масштаб, разрастаясь до небывалых размеров. Такой контраст заставляет почувствовать значимость этой малой точки пространства, стремительно расширяющейся до размеров целой Вселенной. Север для А. Мухаметовой, безусловно, связан с культурой народов, населяющих эти земли. Но в ее представлении он так же плотно ассоциируется с нефтью, геологической разведкой недр, героизмом первооткрывателей и всех тех, кто сегодня трудится на месторождениях. В результате в творчестве художницы появилась серия портретов нефтяников. Однако в поисках идентичности автор идет еще дальше, не ограничиваясь темой. Она изобретает новую технику — технику рисунка нефтью. Инструментом, по словам самой

художницы, служит рука, пальцы. То есть материал наносится на бумагу не кистью, а пальцами. А. Мухаметова превращает это природное вещество в краситель, используя его как художественное средство. И действительно достигает неожиданного эффекта: рельефная фактура, создающая неровности на поверхности листа; теплый приятный цвет, очень естественный в силу своего природного происхождения. Так происходит полное погружение в материал, северную тему, причем погружение буквальное. Не знаю, приходило ли еще кому-нибудь в голову использовать нефть таким образом. Но совершенно ясно, что идея могла появиться только у художника, осознающего себя частью определенной культурной зоны, проживающего в областях нефтедобычи. Как видим, свою сопричастность можно выразить не только символически, но и на физическом уровне, трансформируя представленный самой землей материал в материал художественный. Так связь с землей выглядит нерасторжимой.

Проблему идентичности можно рассмотреть еще на одном примере художника, приехавшего не в Тюмень, а в Тобольск из Салехарда, — Леонида Лара. Получив классическое образование живописца в Институте им. В. Сурикова в Москве (1980 г.), Л. Лар вернулся на Ямал, работал в жанре пейзажа, но очень скоро переключился на северную тему, понимаемую как исторические предания, легенды и связанные с ними места. С 1994 г. он обосновался в Тобольске, но остался верен излюбленной теме. Его работы носят несколько иллюстративный характер. Живописные произведения напоминают картинку к книжке мифов и сказок северных народов. Язык условен и в то же время прост, словно автор ориентируется на детей и создает переложение сложного, символического повествования с помощью понятных аллегорий. Фантастические образы духов принимают вполне читаемый, вполне предметный облик полуживотных-полулюдей, женициптиц. Будто художник пытается нам растолковать невероятные образы родной ему, не знакомой нам культуры. Будучи сам представителем ненецкого этноса, автор желает показать и объяснить самобытность мифологии и верований. Графические листы Л. Лара напоминают то быстрые зарисовки исследователя-исто-

пюр), фЕришал (фельдшер), мундировАниэ, ну (частица да) и под.

В городе не было тесной «общественной» связи между жителями разных частей города — наблюдалась разобщенность старожильского населения «окраин Тюмени» с жителями центральной части. В разговорно-просторечной речи старожилов «самого города», входящих в мещанское и купеческое («купецкое») общества, а также в городское крестьянское и ремесленное, быстрее утрачивались диалектные черты севернорусского происхождения. Здесь располагались образовательные учреждения (здания Александровского реального училища и женской прогимназии), Пушкинская библиотека, Клуб приказчиков, здание театра, построенное в 1892 г. Н. А. Текутьевым, цирк-театр, рассчитанный «на простую публику» [Очерки истории... 1994: 149].

У жителей тех же сословий, но проживающих в предместьях Тюмени, значительно дольше сохранялись диалектные явления (например, уАў, стОнёт, тоўстОй и др.). Больше диалектных черт проявлялось в речи коренных жителей Заречья, где было много «сезонных рабочих» — «крестьян-отходников» из окрестных деревень, а также в речи ремесленников Городища, где преобладало «мелкое тюменское мещанство». В целом же речь большей части старожилов разных частей города в конце XIX в. отличалась отдельными изолированными диалектными явлениями (например, у части жителей Заречья и Городища продолжала проявляться мягкость /ж/ и /ш/ перед /и/ и /е/). Лишь у малограмотной и неграмотной части населения Заречья, Городища и Затюменья (Затюменки) сохранялись диалектные черты окающего старожильского говора в виде отдельной системы.

В речи коренных жителей всех сословий Тюмени к концу данного столетия не

Пространство языка и языка пространства

утратились стяженные формы прилагательных и глаголов, изменение одушевленных существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по мужеско-среднему типу склонения, формы глаголов второго лица множественного числа *неситЕ*, *ведитЕ*, согласуемые постпозитивные частицы *-то*, *-та*, *-ту* (*селО-то*, *избА-та*, *Улицу-ту*), синтаксические конструкции типа *пойЭхал по отцА*, *пошла по пилУ*. Без существенных изменений в речи горожан сохранялось полное оканье. Замедлению нивелировки, утраты диалектных черт в речи жителей Тюмени в рассматриваемый период способствовало активное воздействие окающего старожильского говора окрестных деревень.

Все рассмотренное выше подводит нас к следующему выводу: развитие речевой культуры коренных жителей Тюмени в XIX в. представляет собой очень сложный процесс, в котором взаимодействовали лингвистические и внелингвистические факторы; от собственно диалектной речи — окающего старожильского говора — большая часть старожильского населения города к концу XIX в. переходила к разговорно-просторечной форме проявления русского национального языка. Диалектные особенности севернорусского происхождения в обиходно-бытовой речи большинства коренных жителей разных частей города сохранялись в виде отдельных изолированных черт, у малограмотной и неграмотной части старожилов «окраин Тюмени» — в виде определенной диалектной системы.

рика, спешащего зафиксировать увиденное, то наброски путешественника, с интересом запечатлевающего местные достопримечательности. Любопытно, даже парадоксально, что художник пытается взглянуть на родной материал со стороны, чужими глазами, как могли бы взглянуть на него мы. Думается, делает он это не только для того, чтобы приблизить свое видение к восприятию людей, далеких от темы Севера, от фольклора и искусства северных народов. Думается, причина еще и в том, что он ощущает свою идентичность шире, мысля себя и тоболяком, и сибиряком, что еще раз убеждает в слиянии двух территориальных образов (Сибирь—Север) в один архетип восприятия.

Художественный материал позволяет говорить, что для нас, жителей Тюмени, Тюмень — не только город, это обширная область Сибири, включающая Север. Мотив Севера непременно присутствует либо в плане природных богатств, сокрытых на нашей территории, охраняемых странными персонажами, духами тайги и тундры, либо в плане коренных обитателей этих широт с их мифологией, мировоззрением, образом жизни. Но точно так же северная идентичность не обходится без образа Тюмени. Тюмень — точка выхода в иные пространства. Все движется через нее, куда бы ни ехали. Через нее с Севера по всем направлениям текут потоки людей, идей, судеб.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранникова Л. И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территории позднего заселения: межвуз. науч. сб. Вып. 1. Саратов, 1977.
2. Баранникова Л. И. К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.
3. Беспалова Л. Г. Живое прошлое. Писатели XIX века о Тюмени. Свердловск, 1987.
4. Блинова О. И. О термине «старожильский говор Сибири» // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971 (Учен. зап. Томского гос. ун-та; вып. II, № 274).